

Деревянные коробочки

История этого инструмента, - если оставить в стороне чуть ли не доисторическую давность его происхождения, - по своей деятельности в оркестре отнюдь не богата событиями. Звучание деревянных коробочек или деревянного барабанчика известно с давних пор, и в свое время деревянными коробочками особенно широко пользовались народы Дальнего Востока. Так, к числу самых древних и священных инструментов этого рода принадлежал китайский «чжу» или японский «щоку», давно забытый и уже неизвестный даже знатокам. Этот инструмент имел вид четырехугольной удлиненной деревянной коробочки открытой сверху и подновленной снизу, причем одна из стенок ее была просверлена круглой дырочкой. Это своеобразное сооружение покоилось на резной подставочке перед храмом Конфуция или по-китайски - Кун Фу-цзы, с северо-восточной стороны его. Сторона инструмента с дырочкой была обращена на Запад, и исполнитель, ударяя со стороны Востока, бил маленьким молоточком «чжи» по внутренней поверхности северной стенки коробочки - «чжу». Перед каждой строфой «Конфуциева гимна», по установленному чину, полагалось три удара. Во время царствования династии Сун этот молоточек был прикреплен к основанию инструмента и чтобы произвести звук исполнитель должен был просунуть свою руку сквозь указанную дырочку, в стенке коробочки.

В Китае и вообще странах Дальнего Востока существовало немало разновидностей этого инструмента. Известна, например, китайская деревянная рыба «му-юй», распространенная также и в Японии под именем «мо-ку-ге», а в Аннаме - под названием «кай-мо». Она представляла собою выдолбленный клинообразный и выкрашенный в красную краску чурбан, по которому били колотушкой жрецы во время молитвы. Разновидностью «му-юй» являлся огромный до семи футов длины «юй-панг», с разрезом в тыловой части и с шаром в раскрытой пасти, Этот «юй-панг» обычно подвешивался и применялся в храмах и монастырях, а в несколько измененном и упрощенном виде - в качестве обычной принадлежности ночных сторожей.

Но в тех странах, где бамбуковое дерево являлось всеобщим достоянием, - там деревянные коробочки делались именно из него. Это была уже следующая ступень и более близкая на пути к европейскому симфоническому оркестру, хотя известно, что деревянные ящички-коробочки, в виде обыкновенных колотушек издавна применялись ночными сторожами во всех странах Европы. Но проникновение в оркестр именно этой слишком «вульгарной» разновидности деревянных коробочек казалось слишком простым и, очевидно, мало убедительным. Поэтому, когда точно такая же «колотушка», выточенная из бамбукового коленца и принятая во всех странах Малайского Востока вплоть до Сиам и Борнео, проникла в Европу, то такой инструмент, несмотря на свое безусловное убожество, оказался самым желанным, - он был «заморской диковиной», да и носил замысловатое и заманчивое название какого-нибудь «каляха», «панга» или «пэлен-чонга», и потому имел все права на самое достойное признание, искреннее к себе

уважение и пристальное внимание. Однако, в своем звучании он не очень понравился более утонченному уху, и потому в очень скором времени спустя, музыканты обратили свои взоры на Африку и Центральную Америку, где деревянные коробочки были столь же распространены, как и на Дальнем Востоке. Эта разновидность коробочек больше подошла по вкусу, так как выдалбливалась из звонких пород дерева и имела вид очень красивых коробочек. Впрочем, в действительности, все это оказалось значительно сложнее и симфонический оркестр получил деревянные коробочки, на правах общепризнанного оркестрового инструмента, значительно позже - уже после возникновения *jazz* и его широкого и крайне пагубного распространения по Западной Европе и Америке.

Итак, первые и, конечно, достаточно робкие шаги этого инструмента в симфоническом оркестре в свое время не встретили никакого сочувствия ни среди дирижеров, ни, тем более, среди музыкантов. Звучание сухих ударов палочек по обручу обыкновенного барабана они неизменно относили к области неуважительного воспроизведения намерений автора, нехотая к тому же искаженного неуместной выходкой исполнителя. Но, как в таких случаях почти всегда бывает, удачная «музыкальная шутка» очень скоро находит своих последователей и из случайного звукового приема быстро превращается в постоянный. Особенно благодарной почвой для дальнейшего развития деятельности деревянных коробочек оказался оркестр балета, где нечто подобное получило наибольшее применение. Скромные удары деревянных палочек по обручу большого или военного барабана сначала перешли на жесткое сиденье обыкновенного стула, а немного спустя - и на особо предназначенный для этих целей прибор. Когда именно произошла такая замена и кого должно почитать первым поборником нового оркестрового инструмента, - сказать, конечно, трудно, особенно, если вспомнить, что народы Восточной Азии, Островов Океании, Западной Африки, Центральной и Южной Америки пользовались деревянными коробочками еще задолго до «незапамятных времен».

Вполне вероятно, что при общеизвестной неповоротливости сопутствующей любому большому симфоническому оркестру в деле принятия новых инструментальных звучностей, развитие деревянных коробочек или деревянного барабанчик дальше обруча или дощечки вообще бы не пошло. Положение вещей резко изменилось в период искания новых оркестровых звучностей и установления новых видов эстрадных оркестров. Новая и безусловно занятная звучность деревянных коробочек нашла здесь немедленное приложение и, что значительно важнее, - существенное усовершенствование. Ни обруч барабана, ни, тем более, деревянная дощечка, несмотря на свою относительную силу звука, не могла противостоять новейшему оркестру эстрады, зычные инструменты которого требовали по меньшей мере равных средств шумового сопровождения.

Именно такой ударно-шумовой инструмент имеет в виду, вероятно, Густав Малер.

Его произвольное наименование - *Hoizklapper*, отсутствует в списках принятых в оркестре ударных инструментов, и в буквальном переводе значит - «деревянная колотушка», «стуколка», «погремушка» и даже трещотка. Трудно предугадать, что именно подразумевал под этим понятием Малер, но вполне возможно, что в годы сочинения Пятой симфонии и, особенно, Шестой симфонии, «деревянный барабанчик», позднее превратившийся в *wood-block*, вообще не имел никакого названия.

Оказавшись в явном затруднении, Малер воспользовался первым, наиболее подходящим по его мнению определением и ввел не очень благозвучное понятие - *Hoizklapper*.

Сейчас *Hoizklapper* Малера едва ли будет заменен каким-нибудь другим инструментом, хотя, строго говоря, его подлинные намерения оставляют довольно большие просторы для

всевозможных сомнений. Если почему-либо окажется нежелательным остановиться на собственно колотушке, какой когда-то пользовались ночные сторожа, то есть еще возможность призвать к действию обыкновенный «кнут-хлопушку». Таким образом оказывается, что Hoizklapper Малера может быть с равным успехом воспроизведен тремя различными способами - колотушкой в прямом значении слова, довольно близкими к ней деревянными коробочками и кнутом-хлопушкой, если автор подразумевал резкие и острые удары, следовавшие друг за другом не слишком быстро. Отныне судьба этого вопроса - всецело в руках дирижеров и дело их вкуса избрать что-нибудь одно.

Между прочим, Курт Закс не без оснований считает, что название Hoiztrommel, укоренившееся в современном оркестровом обиходе, вводит в заблуждение, явно сбивая с толку исследователей. Он полагает, что этот инструмент, как самозвучащий «идиофон» должен быть причислен к породе гонгов, поскольку под таким именем в Китае и Индонезии, - родине большинства самозвучащих ударных инструментов, - гонгом принято называть все те инструменты, звук которых возникает под ударом колотушки. Пусть так. Но в западных странах гонг получил уже вполне определенное выражение и деревянные коробочки, переименованные, хотя бы и не без оснований в гонг, породят лишние осложнения, которыми и так уже в изобилии наводнен современный оркестр. Пусть за гонгом останется его «европейское» значение, а за деревянными коробочками - его современное англо-американское наименование, замененное в Германии достаточно удачным и понятным Holztrömmel.

Простейшей и, вместе с тем, наиболее хрупкой разновидностью деревянных коробочек, являются китайские коробочки, ведущие свое происхождение из провинции Чи-фу и выточенные из китайского красного дерева. Эти коробочки делаются обычно в двух или трех размерах, звуча на различной высоте и по своему устройству очень просты. Они напоминают самые обыкновенные шкатулочки - реже с одним, чаще с двумя узкими прорезами по бокам. Маленькие коробочки - piccolo-block, вытачиваются из розового гондурасского дерева, бывают двух размеров и звучат также на разных высотах, но более отчетливо и резко. Они обладают уже более «приметным» тоном.

Этими коробочками обычно пользуются в jаззе, но применяют их в каждом отдельном случае по одной. В блоки, в буквальном смысле слова, их стараются не соединять, а в симфоническом оркестре, куда эти коробочки проникли все-таки с трудом, их применяют пока еще только раздельно, и, надо думать, что известные до сих пор случаи их использования рассчитаны именно для них, а не для собственно wood-blockсов оркестра jазза. Именно так полагает, очевидно, Василенко, предпосылая в партии деревянных коробочек, названных им немецким словом Hoiztrommel, русское обозначение - палочками по дереву, вполне исключаящее всякое сомнение в истинном намерении автора.

В итальянском языке, по всей вероятности, еще не возникло ни одного более или менее подходящего наименования для деревянных коробочек, кроме действующего повсеместно английского wood-blocksa. Во всяком случае ни в одном известном итальянском источнике деревянные коробочки не упоминаются и его условное название скорее всего принадлежит советским музыкантам.

Сергей Прокофьев настойчиво придерживался только итальянских названий инструментов. Он вводит свое собственное название - Legno, что значит «дерево». Насколько это точно - судить, конечно, трудно, но «дерево» может быть разным и почему это legno должно быть именно деревянными коробочками не вполне ясно. Очевидно, он

полагает, что в оркестре его поймут без лишних слов и при всех обстоятельствах воспользуются только wood-blockом. Но не исключена возможность, что пока дело дойдет до подлинного wood-blockа исполнитель постарается исчерпать возможность всех его «заменителей» - раму большого барабана, кузов военного барабана, венский стул или деревянный пульт. Словом, - в изыскании «средств» недостатка не будет. К такому решению задачи при подобной неточности определения придется быть готовым.

Однако, в действительности дело оказывается гораздо сложнее. Слово legno кто-то из не очень осведомленных поклонников уже перевел понятием бруски и поспешил установить «новую разновидность» инструмента, которая, будучи тождественной деревянным коробочкам, будто бы не имеет выдолбленной щели. Это вздорно по существу, ибо «бруски», исключая самое главное в звучании инструмента, - выдолбленную щель или полую внутренность, - не могут и не должны иметь приложения в оркестре, коль скоро современный wood-block имеет уже четыре ступени, могущие в полном объеме ответить любым запросам самого прихотливого или не очень сговорчивого автора. Но даже самый хороший «самозвучающий» брусок или чурбан, - это по сути дела одно и то же, - звучит глухо, плоско и неубедительно, и положительно нет никаких оснований стремиться к худшему, когда есть лучшее. Задача каждого композитора должна быть направлена к изысканию только красивого звука, а не сомнительного, и совершенно не ясно - зачем пользоваться неудачной заменой, когда звонкость современных деревянных коробочек можно легко подчинить самым высоким требованиям композитора. Короче говоря, это нелепое наименование, вернее - его бестолковый перевод, породил уж не только «новый» ударный инструмент, но и особую разновидность, которая вошла в соответствующие руководства, долженствующие преподавать истинное положение вещей и возбудить вкус к подлинно хорошему и красивому звучанию инструмента вообще.

Итак, надо раз и навсегда согласиться с досадным положением вещей и признать, что «деревянные коробочки», «деревянный барабанчик» и так называемые «бруски» суть различные наименования одного и того же инструмента, известного теперь повсеместно под именем wood-blockа и представляющего собою только то, что он собою действительно представляет. Ни больше, ни меньше этого. И если Прокофьев в Александре Невском во что бы то ни стало настаивает на бруске-чурбане, то уже Александр Мосолов на заре своей композиторской юности потребовал в оркестр просто кусок кровельного железа, без указания его действительной ветхости и подарил «миру искусства», самое отвратительное «художественное откровение», которому, разумеется, отнюдь не следует подражать.

Стремясь во что бы то ни стало найти «новую» оркестровую инструментальную краску, композиторы такого «крайнего направления» с ученым видом пользовались наковальней, молотом, всевозможными, чаще всего противоестественными шумами, - стуком клапанов, ногами танцоров, рычаньем хористов, пеньем живого соловья, даже пишущими машинками и консервными коробками, словом, - всем, что с точки зрения подлинного искусства было не только безусловно скверным, «о и всегда отдавало значительной долей «формалистических изысканий» и крайне уродливых «музыкальных вывертов», свойственных именно композиторам-формалистам. Требовать можно в конечном итоге все, что угодно, но прямая обязанность исполнителя найти тогда такое средство, которое могло бы удовлетворить и «странным желанием» автора и, вместе с тем, остаться на подлинной художественно-эстетической высоте. Его прямая задача добиться на существующих инструментах необходимого, что именно в данном случае более, чем возможно.

Современная усовершенствованная разновидность деревянных коробочек или деревянного барабанчика, известная повсеместно под именем wood-blocks, - кстати, французское название caisse de bois, предложенное Купинским, французами не принято и во Франции не применяется, - представляет собою полый деревянный валик с небольшими прорезами по бокам. Эти валики бывают двух размеров и устроены так, что каждая оконечность их издает звук различной высоты, так что каждый такой валик - wood-block, обладает двумя звуками и, при желании, может быть разъединен на две самостоятельные части. Разница в звучании каждой оконечности wood-blocka не очень сильна и лежит приблизительно в пределах одного целого тона для более длинных концов и полутона - для более коротких. Играют на этом инструменте двумя деревянными палочками, а ноты для него пишут на ниточке. В jazze, участие wood-blockсов принято обозначать крестиками. При применении деревянных коробочек в оркестре, исполнитель пользуется обычно одной какой-нибудь оконечностью его, и в зависимости от содержания музыки избирает тот или иной его «тон». Композитору нет большой необходимости заботиться о таких подробностях, но, если он хочет быть особенно точным, он может указать словами «большой» или «малый», «низкий» или «высокий» вид угодного ему валика. Впрочем, такая тонкость обычно определяется на слух и тут же в оркестре. Образованные, благодаря вырезам крылья-ярлыки под ударом обтянутых шерстью или резиной палочек издавали звук различной высоты, причем самый кузов барабана служил им в качестве самого обыкновенного резонатора. Деревянный барабан teponaztll применялся обычно на больших празднествах, в плясках и при исполнении различных сказаний. В Гватемале, так же как и в соседних странах Центральной Америки, барабан этот применялся индейцами и не так еще давно разрисовывался собственной кровью при изображении важнейших событий племени.

Общепринятый теперь оркестровый четырехзвучный wood-block звучит довольно пронзительно, хотя вместе с тем и несколько суховато. Будучи примененным в нисходящей последовательности, он немного напоминает хлопающий звук быстро откупориваемых бутылок, но использованный на одной высоте, живо воспроизводит цоканье копыт по каменистой дороге. Именно по этой причине его участие вообще ограничено, а в симфоническом оркестре - просто редко, коль скоро его звучание требует такой музыки, где его присутствие было бы вполне оправданным. В симфоническом оркестре wood-block довольствуется обычно только одной какой-нибудь высотой и только в виде крайнего исключения - двумя или тремя.

В симфоническом оркестре найти повод использовать wood-block не так просто. Эта характеристическая звучность является не только украшающей в самом произвольном толковании этого определения, но и звукоподражательной, что, естественно, сильно сужает круг деятельности этого инструмента. Тем не менее, уже в 1939 году, wood-block чрезвычайно скромно зазвучал в небольшом оркестре детской оперы-сказки Иванушка-Дурачек В данном случае участие wood-blocka, так же, впрочем, как и тубафона, вибратона, корейских колоколов, колокольцов, кнута и многих других достойных представителей «ударного царства», оказалось весьма кстати, главным образом потому, что при всей невероятности происходящих в сказке событий звуковая занимательность оркестрового сопровождения оказалась ее неотъемлемой стороной.

Наиболее подходящее поле деятельности, которое можно было бы определить этому инструменту - это подражание звукам конского топота или вообще, - стремительной скачки.

PARTITA.RU

Такое истолкование деревянных коробочек звучит вполне уместно и, что самое важное, - теряет свойственную инструменту назойливость. Кстати сказать, острая звучность wood-blocks, не лишена известной способности немного разукрасить и оркестровую ткань музыки, особенно в тех случаях, когда ее содержание не блещет необычайными художественными достоинствами.